

МНЕ ОЧЕНЬ повезло в жизни, что я вначале познакомился с Распутиным, а потом только прочел его. Почему повезло? Да потому, что, как знать, осмелился ли бы я подойти к писателю, наделенному способностью проникать в самые потаенные глубины человеческой души.

Оговорюсь сразу: я не собираюсь заниматься литературно-критическим анализом творчества Валентина Распутина, рассматривать его произведения в социально-мировоззренческом аспекте, определять место Распутина в нашей современной советской литературе; мне хотелось бы лишь выразить свое

впечатление «Последнего срока». Да, мы плакали, но разве не очищают, разве не облегчают душу слезы, разве мы не вспомнили могильные холмики наших предков и слабые оградки вокруг них?

— да, горит Матёра. Горький дым пожара выедаёт глаза. Конечно, не нам судить, кто тут прав, кто виноват, наше дело — запомнить. Делу памяти служит писатель, а память есть главное в разделении добра и зла;

— нет, не даст брат денег. Не даст, не тот человек стал. Но у нас-то в карманах разве не зашевелились деньги, кто бы из нас обеднел от трех рублей во спасение Марии? Но никто же не ходит с шапкой по кругу, никто

Если не приехала, почему нет хотя бы телеграммы? Как судить, если не знаем причины. Но поступок Михаила на виду. Видимо, все-таки он поступил плохо, когда солгал. Пусть бы одно из двух: старуха бы умерла в ожидании Таньчоры или бы решила, что дочь нежива, подумать же, что дочь, говорившая ей такие слова о любви, не захотела проститься, старуха бы не могла.

Отсутствие любви к родным, близким, дому, земле приводит к забвению и жестокости. Ни-что не дороже Андрею Гуськову, и он мечтает поджечь мельницу, поджечь просто так, мстительно представляя, как полетят искры, как головешки будут пачкать чистый лед, белый снег.

го. И каждое из слов единственно.

Человек Распутина со своей любовью ко всему живому и своей виной перед всем живым в постоянном, почти не называемом, но все время ощущаемом единении с прошлым и будущим, землей и небом, водой и небом, теплом и холодом — словом, с теми стихиями, что есть производные всего сущего.

Бездна вверху, костер, как отражение звезды, внизу. Мальчишка у костра. Не одиночество он чувствует — красоту и огромность мира. И робость чувствует, даже страх. Только страх особого рода: он боится, что может не успеть постигнуть эту

прежде всего ее глубинных корней — летописей, преданий, легенд, былин. Признаваясь, что уже одно перечисление словаря русского языка XI—XVII веков есть огромная радость, писатель говорит о том, что особенно дорого в нашем языке — совпадение слова и его значения. Любя Достоевского, В. Распутин особенно выделяет мысль классика, что даже самый низко падавший человек достоин не презрения, а жалости, что он может еще подняться, что для того и дана жизнь, чтобы спастись от наваждения недостатков и пороков.

Мы, читатели В. Распутина, являем собой двойственную силу влияния на писателя. С одной стороны, наше благодарное ожидание от писателя новых произведений. В этом выражается общественный заказ духовной пищи, удовлетворения голода времени на правду о себе. Но если бы этим кончилось! Нет, мы, читатели, бываем очень жестоки в своем нетерпении. Стоит писателю замолчать (а мало ли к этому причин, те же болезни, от которых и писатель не застрахован), как сразу начинают оживляться мнения, что человеку больше нечего сказать и т. п. Перерывы в работе, особенно большого таланта, есть периоды накопления и аккумуляции духовной и умственной энергии, без которой невозможны художественные открытия. Нам же, читателям, следует почаще обращаться к уже свершенному писателю: так ли уж хорошо мы это свершение усвоили? Например, я думал, что хорошо знаю повести, и рассказы, и очерки Распутина, по крайней мере мгновенно вспоминал, о чем и о ком то или иное произведение, но стал перечитывать и оторваться не мог — перечитывал с огромной радостью за писателя и со стыдом за себя: я столько, оказывается, или забыл, или не заметил тогда, когда читал впервые. Как будто что взгляд отводило.

Сколько прекрасных и печальных, веселых и грустных мест дожидается прихода внимательного перечитывания! Как раньше мог я не видеть, что Варвара и Люся, например, не просто закрываются ладошками от света зажженной лампы, но будто прячутся от матери. Или то, что глаза старухи уставали от того, что будто бы на весу держали предмет, на который смотрели. Да, если так может увидеть и сказать живущий в одно время с нами человек, то назови же его возможностями! Открылось вдруг, что не просто кладбище затопливало в Матёре, но прежде всего одинокую детскую могилку. Первым ребенком умер, и его схоронили отдельно, под белыми ромашками, думали, что тут и будет кладбище, а потом сделали его в другом месте. А взгляд, напряженный и мучительный, сына Надыни на вернувшегося с фронта Мансима — ведь этот мальчишка уже сирота. Или мальчишка, «вдохнувший таинственно и печально» и севший на пенек, затопленный водой...

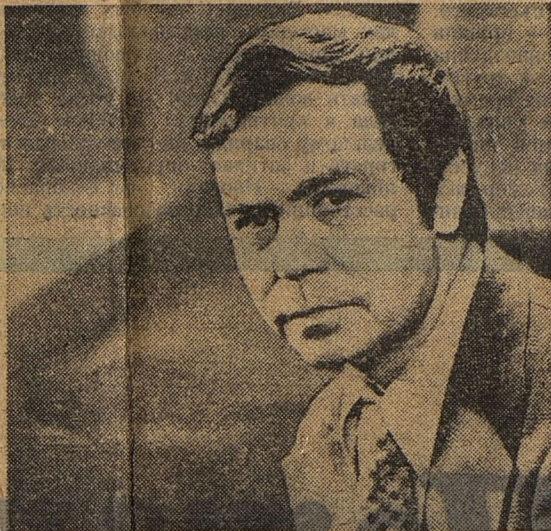
Новое, совершенно новое состояние прозы писателя в последние, после периода: молчания, рассказах. Попробуйте для примера перечитать рассказы «Наташа» и «Что передать вороне?» или «Век живи — век люби» тем, кто их еще не читал. И ничего не получится. Наташа — кто она, как спасительница, пришедшая к больному? Откуда? Здесь новый уровень общения людей, здесь душа с душой говорит. При чтении рассказов возникает такое ощущение, будто происходит плохое происшествие по вине автора. Вина до того чисто по-русски навлекаемая на себя, до того сильная, что изо всех сил хочется взять на себя хоть ее часть.

И постоянно, вместе с писателем, чувствуешь недостижимость горных вершин постижения духа. Это и несчастье, и счастье.

Нам остается терпеливое ожидание новых работ писателя и благодарное перечитывание свершенного.

Владимир КРУПИН

КРАСОТА И ОГРОМНОСТЬ МИРА

Валентин РАСПУТИН.

личное, сугубо индивидуальное отношение к этому писателю, сказать о том, как я воспринимаю его художественный мир, в чем, на мой взгляд, сила его таланта.

Наслаждение чтением есть одна из радостей, а с годами, может быть, одна из главных. Но мука мученическая объяснить эту радость, хотя иногда надо. Откуда же берется радость, если читаешь о том, как умирает старуха, и изо всех детей хоронить ее будет один, а где же остальные; на глазах уничтожается и горит все, что составляло земную жизнь многих и многих поколений; сын, любящий родителей и любимый ими, приезжает домой на лето, а не может выжить и недели, настолько тяготится его душа свершенным в его отсутствие; муж не может собраться в родной деревне денег, чтобы покрыть недостачу без вины виноватой жены. И так далее...

Так почему же, откуда же берется энергия действия, радость бытия, когда откладывается книга и вновь тянется за ней рука? Да прежде всего оттого, что мы видим: нет ничего такого, что могло бы утаиться от писателя, что все тайное не просто будет, но есть явное. Что не ради описания бед и несчастий задуманы и свершены страницы книг, но ради осознания себя. Ведь это свою все вмещающую душу исследует писатель, ведь это он на себя берет заботы и тревоги дорогих ему людей.

Невеселое перечисление ситуаций повестей и рассказов можно и нужно сделать еще и так, повторяя их:

— да, старуха умирает, но мы-то с вами, мы, прочитавшие и вздрогнувшие при последней фразе: «Ночью старуха умерла», ведь мы не раз и не два, всегда, пока живы, перенесемся мысленно к ее изголовью, нам уже не жить без любви к ней и сострадания. Она смертью своей отодвинула, увеличила жизненные сроки многих и многих старух, потому что нельзя плохо относиться к старикам после прочте-

ния «Последнего срока». Да, мы плакали, но разве не очищают, разве не облегчают душу слезы, разве мы не вспомнили могильные холмики наших предков и слабые оградки вокруг них?

— да, горит Матёра. Горький дым пожара выедаёт глаза. Конечно, не нам судить, кто тут прав, кто виноват, наше дело — запомнить. Делу памяти служит писатель, а память есть главное в разделении добра и зла;

— нет, не даст брат денег. Не даст, не тот человек стал. Но у нас-то в карманах разве не зашевелились деньги, кто бы из нас обеднел от трех рублей во спасение Марии? Но никто же не ходит с шапкой по кругу, никто

же не требует, не упрекает, что кто-то на что-то копит, но не может быть, чтобы после «Денег для Марии» человек, если он человек, не задумался о помощи тем, кто нуждается;

— женщина гибнет, милая Настена. Но гибелью своей сколько-нибудь она спасла;

— пропали ягоды, и их жалко. А потом, вспоминая дорогу к ним, ночь у костра, понимаешь, что Саня нашел куда больше, чем потерял. Он не просто повзрослел — душа его обрела новое качество прощения и мудрости.

Да, жизнь очень непроста, как легко произносится и как трудно понимается эта истина. И тут вопрос: легче или тяжелее жить становится после прочтения, узнавания судеб распутиных героев? Конечно, тяжелее. Увеличивается сострадание, повышается совесть, желание помочь, а помощью кому-то всегда за счет ущемления собственных желаний. Но в том-то и состоит высшее счастье человека — в самоотдаче. И это во всем: каждому хочется любви, но дождается ее (подлинной) тот, кто жертвует прежде своей любовью.

— Как печально, — говорил однажды Распутин, — что у нас заездили это великое слово. Я же под любовью понимаю прежде всего прощение.

О любви мало говорят герои писателя. Но все ею освещено. Когда Таньчора говорила матери о любви к ней, то «старуха замирала и терялась от этих слов, она не знала, что их можно говорить вслух...». Но кажется все-таки, что именно Таньчору видела ее отлетающая душа. Именно Таньчору ждет не дожидается старуха. И вот мы думаем: может, даже и лучше, что Таньчора не приехала. А вдруг бы, грешным делом, вдруг бы и она ушла на пароход с Люсей, Варварой и Ильей? Она остается в повести как свет ожидания. Еще надо заметить, что поддержать этот свет помогает Михаил, он берет на себя обман с телеграммой. Что это? Ложь во спасение? Да и жила ли Таньчора, думаем мы,

Как-то неуловимо, но несомненно эта злая мечта осуществится наяву в «Прощании с Матёрой», когда Павлуха поджигает свою избу. Если бы даже ее не вывели, если бы даже она сгорела, как и остальные обреченные, все равно его поступок страшен. Он, этот поступок, оттого, что дом свой Павлухе не дорог, он его не любит.

Любовь — удел и свойство живого, одушевленного проявления жизни. И огромная заслуга, лучше сказать — отличительное свойство таланта Распутина в том, что, идя от наследия тысячелетий, от славянской мифологии, в которой природа и человек были едины, писатель идет дальше. Это вовсе не антропоморфизм, не приписывание чему-то качеств человека, нет, явления и предметы, природа у Распутина первообразны и вместе с тем современны. Именно мы, люди этого века, можем вот так же ощущать пространство и время. Вот примеры, жаль, что нельзя цитировать бесконечно: «Внизу струилась и плавила тень от берез и цвели подснежники; от невысокой и ровной будто подстриженной травы, над которой гудели шмели и порхали бабочки, шел густой, терпко-медвяный дух и воля вздымающимся волнами тихий, молитвенный шелест... И так хорошо, так сладостно и уютно к жизни и солнцу, так удивительно и счастливо было здесь, что от этого невыразимо, несусветного счастья хотелось плакать».

Заметили? Сам писатель называет счастье бытия невыразимым. Дело не только в глаголах, одушевляющих предметы, а прежде всего — в прочувствованности, подсказывающей нужные слова-определения. «...утро менялось, двигалось в свою сторону: только что казалось неподвижным, ленивым, серым, а уже высветилось до дна, заиграло, заходило в нетерпеливом, детском ожидании, в небе... встали радужные полосы — и правда, скоро после этого на глазах у старухи появилось солнце, и земля счастливо, преданно озарила».

«Утро поднималось высокое, ясное, тугое».

Ни одно из этих определений здесь не есть повторение друго-

гигантской и красоту мира и свою соединенность с ним. И в «Вечном поле»:

«Небо и степь. Степь и небо. Небо над этой степью знает великую тайну: оно было могучим вышним свидетелем битвы и победы, затем многовекового терпеливого ожидания, и оно стало, наконец, свидетелем пробуждающейся памяти... Степь и небо. Небо и степь. Так много, очевидно, ясных ответов там и там, да не для нас, чтобы свою судьбу мы сполна прошли сами».

Состояние человека — соединителя прошлого и настоящего — в сквозном пролетании эфира, как бы населенного недавно жившими («Что передать вороне?»), отсюда вновь переключаясь с теми, кто, по нашим понятиям, ушел давно, для кого время остановилось.

«Приходится сильно напрягаться, чтобы в волнении воздуха не столько услышать, сколько угадать сухие и колеблющиеся, перебивающие друг друга голоса... Что они говорят, понять не дано; чувствуешь лишь в их разноголосии то тревогу, то молитву, то надежду».

Литература есть пропаганда мудрости тысячелетий. Если от такого ее высокого назначения вести отсчет, то кто есть пропагандист-писатель? Мудрец. Что составляет мудрость? Талант, доброта и знание. Существует сравнение таланта с деньгами: мол, он, как деньги, — или есть, или нет. Но это невежественное сравнение. Талант дается, деньги зарабатываются. Другое дело, что талант может употребиться на заработки, но в единственном случае — когда он не подкреплен мудростью. Основа же мудрости — порядочность.

Откуда же берет силы талант В. Распутина? От родины. И это не просто от любви к родине, чувство это прекрасно и достойно: как без матери не было бы нас, так без родины бы не было духовности. Но любовь к родине должна непрерывно подтверждаться делом помощи родине. Что и делает наш писатель.

Сила таланта В. Распутина — от освоения классического наследия русской словесности. И